

«Ты не жди меня, капитан...»

к 51-ой годовщине со дня смерти Назыма Хикмета (1902-1963)

Доктор филологических наук, профессор, писатель и журналист Акшин Бабаев был лично знаком с всемирно известным турецким поэтом. С момента своей первой встречи в 1957 г. с Назымом Хикметом вплоть до смерти великого турецкого поэта, 3 июня 1963 г., неоднократно с ним встречался в Москве и в Баку. Перу ученого принадлежат несколько научных

исследований и монографий, многочисленные научные и публицистические статьи, а также радио- и телепередачи, посвященные жизни и творчеству поэта и драматурга Назыма Хикмета.

Затаенную в синеве его глаз и прорывающуюся в дрожании губ тоску по родине - эту нестерпимую боль Назыма Хикмета довелось наблюдать и мне. До сих пор отдается болью в сердце и все еще звучит в ушах сказанное им после совместного просмотра в 1961 году 250-го спектакля по его пьесе «Чудак» в Москве: «... увидеть бы мои пьесы в любимом Стамбуле...». Назым был связан неразрывными узами с родной Турцией. Самой большой болью его было то, что на родине произведения его были запрещены: книги не публиковались, стихи и статьи не печатались, пьесы не ставились. Он часто говорил, что верит в то, что произведения его увидят свет и в родной Турции, и стихи тоже будут печататься и на родине. «Но после моей смерти..., для этого я должен умереть...», - добавлял Назым.

Навсегда останется в моей памяти и сделанное при мне завещание скульптору Мюневвер Рзаевой: «Мой памятник слепишь после моей смерти. И знаешь, как? Только два глаза. Но так, чтобы было понятно, что это я смотрю. Чтобы понятно было, что эти прозрачные капли - глаза человека, который до последних дней своих горел в непреходящей тоске по родине.»

Если когда-нибудь написанные в этой нестерпимой боли и непреходящей тоске по родине стихи Назыма выйдут отдельным изданием, сборник этот станет одним из самых драматичных памятников пережитому и выстраданному поэтом. «В заснеженном буковом лесу», «Новый год», «Корабль», «Балкон», «Ореховое дерево», «Голубой порт», «Правая рука», «Концерт №1 Себастьяна Баха в до миноре», «О Родине» - лишь некоторые из подобных поэтических откровений. Сборник этот следует назвать «Мемлекетим» - «Моя Родина» и включить в него не только его

стихи, но и навеянную раздумьями о Турции публицистику, все высказанные с высоких трибун слова о Турции, о турецком народе и турецком языке, и сказанные близким ему людям в минуту откровения слова. Как, например, и эти его слова: «Самым большим счастьем и честью для себя считаю возможность способствовать тому, чтобы состоящий из самых добрых людей в мире турецкий народ и один из самых прекрасных языков мира, а может и один из самых важных, турецкий язык стали бы известны и в других странах. Я люблю свой турецкий язык точно так же, как пахарь свою землю и волов, как плотник свой тесак и дерево».

В 1951 году последний приезд Назыма в Москву оказался для него роковым – дорога назад, в Турцию была закрыта. Советский Союз чествовал поэта, погружая в бурю восторженных оваций и море цветов, но истинное положение дел в советском государстве довольно скоро открылось и ему. Он узнал всю правду о репрессированных и сосланных в Сибирь невинных турецких революционерах, в числе которых был и живший в Баку его близкий друг Аффан Икмек, ему стали известны шокирующие подробности сталинских репрессий периода «ежовщины» («Большой террор» 1937-1938 годов), жертвами которого стали и такие яркие представители азербайджанской интеллигенции, как поэт и драматург Гусейн Джавид и поэт Микаил Мушфиг. Поразившая и покоровившая его в юности молодая государственная структура к 50-ым годам претерпела значительные изменения, заставив Назыма впервые усомниться в, казалось бы, незыблемых идеалах. Поэт впадает в глубокую депрессию.

*Я устал, капитан,
и меня ты не жди,
а в журнал судовой пусть пишет другой.
Минареты, чинары и порт впереди.
Не со мной приплывешь ты в порт голубой.
(«Голубой порт», 1957, перевод Д. Самойлова).*

Постепенная утрата веры наряду с непреходящей тоской по родине стала еще одним сильнейшим трагическим переживанием последних лет поэта. «Пытаюсь понять ценою утраты веры. Сказать тебе что-то хотел, не смог. Вкус моей сигареты, выкуренной утром на голодный желудок. И смерть, что до своего прихода, отправила мне свое одиночество...» («Привыкаю к старости», 12.01.1963). Чем больше открывалось ему то, что сильно отличалось от официальной версии советского правительства, тем больше он ужасался. Жить с таким грузом непосильно даже великанам...

У Назыма есть много поэтических размышлений о смерти. Когда-то пронзительной болью и драматизмом безысходности сильно поразила одна: «Не увозите меня на юг, я не хочу умирать... Умирать не хочу, не везите меня на север... На запад не увозите меня, я не хочу умирать...

Умирать не хочу, не везите меня на восток... Не оставляйте меня здесь, заберите куда-нибудь. Не хочу умирать, не хочу умирать...» («Откуда пришли мы, куда мы идем?» 22.11.1962). Каждый раз, когда приходят на ум эти строчки Назыма, заново проникаюсь тем отчаянием, в котором находился терзаемый мучительными дилеммами и безвыходностью поэт, и каждый раз вновь размышляю над похожей на прерывистый тяжелый сон судьбой Назыма Хикмета...

Я часто думаю о том, что знаменитые строчки поэта: «Подойди», - сказала. Останься, - сказала. Улыбнись, - сказала. Умри, - сказала. Пришел. Остался. Усмехнулся. Умер», - адресованы словно не жене Вере, а всей советской действительности.

Говоря о Назыме, каждый раз на ум невольно приходят слова известного турецкого писателя Азиза Несина:

«Назым Хикмет – это странствующая по миру турецкая песнь».

И это действительно так. Назыма и его произведения знают в США, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии, Китае, Японии, Греции, Ираке, Индии и во многих других странах, где и сегодня его литературное наследие переиздается, творчество исследуется, периодически проводятся посвященные поэту симпозиумы, литературные вечера и вечера памяти. Назым Хикмет как-то сказал: «Корнями своими моя поэзия уходит в землю моей родины. Но ветвями ее мне всегда хотелось простереться по всей земле, соприкоснуться с построенными на необъятных просторах земель Востока, Запада, Севера и Юга культурами, дотянуться до всего нашего громадного мира». Эти слова Назыма наиболее полно выражают особенности его жизненного и творческого кредо.

Назым писал: «...не хочу умирать, но, если придется, все равно буду жить среди вас...» («На пятый день голодовки», май 1950). Его внезапная смерть 3 июня 1963 г. ввергла в глубокий шок знавших и любивших его. В числе оплакивающих его смерть поэтическими посвящениями доля Азербайджана и азербайджанских поэтов несомненно остается высокой. «Я приехал в Баку, словно весь мир мне подарили», - говорил Назым в свой каждый приезд в Баку. И остался навсегда с нами: в Баку, в Азербайджане, в наших воспоминаниях, в наших сердцах.

Акшин Бабаев
доктор филологических наук, профессор